

Schildt, Axel: Medien-Intellektuelle in der Bundesrepublik. Hrsg. und mit einem Nachwort versehen von Gabriele Kandzora und Deflet Siegfried. — Göttingen: Wallstein Verlag, 2020. — 896 S. — ISBN 978-3-8353-3774-9

Шильдт, Аксель: Медийные интеллектуалы в ФРГ. Под ред. и с послесловием Gabriele Kandzora и Дефлета Зигфрида. — Гёттинген: Вальштейн, 2020. — 896 с. — ISBN 978-3-8353-3774-9

Рецензент / Rezensent:

Тимофей Дмитриев / Timofey Dmitriev

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2021-00022>

У рецензируемой работы, посвященной истории немецких интеллектуалов времен Боннской республики (1949-1989) и символической и идейной борьбе между ними в информационном поле немецких СМИ – своя непростая судьба. Историк Аксель Шильдт (1951-2019), в 2002-2017 годах – профессор новейшей истории и специалист по интеллектуальной и культурной истории ФРГ, много лет работал над своим последним исследовательским проектом, посвященном истории интеллектуалов и их сценическому действию в медиа ФРГ в период после Второй мировой войны. Основанное на обработке богатого архивного материала, – в библиографии книги встречаются ссылки на 28 архивов, материалы которых были использованы при написании работы – исследование А. Шильдта должно было быть доведено до конца 1980-х годов, но остановилось на полпути из-за смерти автора. В результате история медийных интеллектуалов в ФРГ в книге обрывается на фетиш-революции (Fetisch Revolution) 1968 года. Однако, несмотря на незавершенный характер работы, она представляет собой совершенно выдающееся исследование как в плане постановки исследовательских задач, так и в плане широты и обстоятельности затрагиваемых в ней тем и проблем.

Как следует из введения к работе, в котором автор подробно раскрывает свой исследовательский замысел и набрасывает необходимую для его реализации теоретическую систему координат, он поставил перед собой более чем амбициозную задачу: создать первую полноценную историю интеллектуалов и их символической борьбы в ФРГ, уделив при этом особое внимание преломлению этих споров в публичном информационно-медийном пространстве. Несмотря на то, что по указанным выше причинам автору не удалось завершить свою работу, масштаб того, что он успел сделать, всё равно поражает.

Для выбора темы исследования у ученого были серьезные как жизненно-экзистенциальные, так и научные мотивы. Еще в раннем возрасте А. Шильдт заинтересовался консерватизмом, который играл центральную роль в интеллектуальной истории ранней Федеративной Республики. При этом предметом его интереса служили не идейно-исторические проявления этой доктрины, а историко-политическое влияние консервативных актёров из интеллектуальной среды – прежде всего из числа героев «Консервативной революции» 1920-х и первой половины 1930-х годов, а также круга авторов журнала «Die Tat». В не меньшей степени А. Шильдта интересовал вопрос о том, как идейные попутчики «Третьего рейха» – в данном случае имеются в виду такие философы и ученые, как Мартин Хайдеггер, Карл Шмитт, Арнольд Гелен, Ханс Фрайер и другие – приспособивались к новой послевоенной общественно-политической и культурной реальности и какой отпечаток их деятельность наложила на политическую и идеологическую преемственность ФРГ с предшествующими государственными формами Германии. В конечном счете внимание ученого было приковано к историческим судьбам

второй (после Веймарской республики) демократии на немецкой земле и к неоднозначной и проблематичной истории ее возникновения и эволюции. В своей работе автор показывает, что одной из сквозных тем интеллектуальной и культурной истории ФРГ на всем протяжении ее истории (до воссоединения двух Германий) являлся то затухавший, то вновь разгоравшийся конфликт между либерально настроенной немецкой медиа-общественностью и историческим наследием Веймарской республики и «Третьего рейха».

Ключевая особенность рецензируемой работы состоит в том, что в ней А. Шильдт дает широкую панораму деятельности западногерманских интеллектуалов в интеллектуальном и медийном поле второй половины XX века, не обойдя при этом вниманием и те международные, внутривнутриполитические, социальные, культурные и технологические перемены, которые не только до неузнаваемости изменили труд современных немецких интеллектуалов, но и наложили свой неизгладимый отпечаток на общественно-политическую и культурную жизнь ФРГ в 1950-е и 1960-е годы. Как отмечают издатели рукописи А. Шильдта, «лишь такая синтетическая точка зрения дает возможность постичь интеллектуалов, их сферы интересов и влияния, их стратегическое действие, а также мотивации влиятельных актёров» (S. 785), действующих на интеллектуальной и социальной сцене.

Как подчеркивает сам автор, через его книгу красной нитью проходит мысль о неразрывной связи средств массовой информации и общественности, с одной стороны, и интеллектуалов, действующих в этих средах, с другой. «Для меня, – признается А. Шильдт, – это единственная обещающая успех возможность постичь данную тему с общественно-исторической точки зрения, поскольку быстрая реконструкция и расширение ансамбля печатных СМИ, радиовещания и телевидения послужили основой для растущего влияния интеллектуальных создателей общественного мнения. А сопутствующая этим процессам модернизация жизненного мира, в свою очередь, нашла свое выражение в [изменении] производственных условий публицистов, что заставило их адаптироваться к убыстряющемуся темпу дискурса» (S. 10).

Жанр своего исследования А. Шильдт определяет как «интеллектуальную историю» (Intellectual History). В отличие от истории идей и дискурс-анализа интеллектуальная история сосредотачивает свое внимание на действующих лицах или актёрах, тогда как идеи в этой исследовательской перспективе «рассматриваются как интеллектуальный результат социально обусловленной деятельности литераторов, ученых и научных работников, с одной стороны, и как выражение социальных позиций, политических конфликтов и экономических интересов групп (например, классов), с другой» (S. 19). Это означает, что исследователь должен изучать объективное социальное положение интеллектуалов как в жизненном мире, так и в интеллектуальном и медиа-ландшафтах, их специфические технические и социально-экономические средства производства, те социальные отношения и взаимодействия, в которые они вовлечены, а также их личную и общественно-политическую эволюцию. Правда, здесь важно не перегнуть палку в другую сторону и за изучением исторических условий интеллектуальной деятельности не потерять из виду ее результаты, т.е. порождаемые интеллектуалами тексты и транслируемые ими смыслы.

Для реконструкции интеллектуального и медийного поля Боннской республики автор использует понятийную систематику, предложенную французским социологом Пьером Бурдьё (1930-2002). Это позволяет ему показать политико-полемические дебаты интеллектуалов в послевоенной Западной Германии в их социокультурной динамике и одновременно – зафиксировать объективное положение отдельных групп и фракций западногерманских интеллектуалов в медийно-интеллектуальном поле ФРГ. Это поле под пером автора предстает как специфическое социальное пространство, обладающее известной автономией и собственной закономерностью, в котором индивидуальные и коллективные актёры, используя имеющиеся в их распоряжении ресурсы в виде различных габитусов и форм капитала (культурного, информационного, социального, экономического, символического) ведут между собой символическую борьбу за гегемонию в сфере мнений

и интерпретаций смысла, которая, в свою очередь, всегда так или иначе связана с экономическими и политическими интересами.

Особый интерес представляет оставшаяся незавершенной, но содержащая большой и в высшей степени ценный материал глава о немецких интеллектуалах накануне и в 1968 году. Возражая против доминирующего в современных немецких СМИ и вновь и вновь возобновляемого в связи с периодическими юбилейными датами интеллектуально-медийного дискурса о том, что в основе событий 1967-1968 года в ФРГ лежал поколенческий конфликт между молодым, антиавторитарно настроенным поколением и поколением «отцов», ставшим заложником тяжкого наследия национал-социалистического правления, автор показывает, что эта популярная докса не выдерживает столкновения с эмпирическими вопросами и фактами. Люди протестуют вовсе не по внутрисемейным причинам: большинство активистов 1960-х годов, в том числе из Социалистического Союза немецких студентов (1946-1970) были выходцами из либеральных семей, а поводы для громких скандалов «давали не только политические партии, но и школы и университеты, церкви и судебная система, пресса и культурная сфера» (S. 761). Для того, чтобы обосновать свою точку зрения и снять магический флёр, окутывающий события 1968 года в немецком интеллектуальном сознании, автор подробно рассматривает такие важнейшие темы интеллектуальных дебатов второй половины 1960-х годов, как место и роль внепарламентской оппозиции в ФРГ, законы о чрезвычайном положении, война во Вьетнаме, кампания против медиа-концерна Акселя Шпрингера, а также интеллектуальная тематика более общего плана, в частности, критика авторитаризма во всех его формах, критика парламентской демократии, открытие еврейских и вернувшихся из изгнания теоретических традиций, теории фашизма, а на метауровне – интеллектуальные дебаты внутри Франкфуртской школы и отношение ее ведущих мыслителей Адорно, Маркузе и Хабермаса к студенческому движению.

В заключение стоит отметить, что главное достоинство исследования А. Шильдта заключается в том, что предложенный им «взгляд на интеллектуалов как на действующих лиц в рамках социального комплекса, состоящего из экономики, техники, социальных отношений, политики, культуры, средств массовой информации и духовных течений времени открывает новые перспективы в интеллектуальной истории и в то же самое время позволяет дистанцироваться от самостилизации действующих лиц» (S. 790), выступающих в роли агентов интеллектуального и медийного поля.